

Расул Гамзатов

ГОРСКАЯ ЛИРА

МОЛИТВА

Молю, Всевышний: рассеки мне грудь,
Чтобы душа очистилась от скверны.
Бывали, и за то не обессудь,
Слова мои порою легковерны.

Не облачный, земной мне выпал путь,
Я предавался мыслям греховодным,
К тому же я считал себя свободным,
А может, вовсе не в свободе суть?

Слышал, что в бездну адского огня
Отправил ты, не послабляя рока,
Певцов любви, что были до меня
Во всех пределах твоего пророка.

Но каяться ли в том, что пил вино,
Что власть делил я с женщинами ложе?
А если б и покаялся – ты, Боже,
Поверить мне не смог бы всё равно.

Но заклинаю, праведный судья,
В том моего не усмотри порока,
Что хадж любви, как мусульманин, я
Держал не только к женщинам Востока.

Ты мне другие отпусти грехи:
Обиду, нанесённую в гордыне,
И дружбу с подлецом, и те стихи,
Которых я не написал бы ныне.

Признаюсь по житейской простоте:
Меня в мечети люди не видали.
Где жил я, боже, ангелы и те
Святыми оказались бы едва ли.

Несу в душе я не один изъян,
Но верь на слово мне – я не безбожник.
И душу досмотри ты, как таможник,
Что заглянул для вида в чемодан.

* * *

Как лампада на окне любимой,
Ночью песнь затеплилась во мне.
– Уходи! – с душой невоспальной
Я сказал, – забыться дай во сне.

Но не по её ли наущенью
Конь крылатый встал передо мной?
И умчался сон мой по ущелью,
С облаками слившись под луной.

Я молил: – Уйди, моя отрада,
Старых ран не береги и впредь,
Без того полшага мне до ада.
– Не спеши, успеешь умереть.

Ты заложник мой, а я – Господня
Воля на эфесах высоты.
– Уходи. Ты не нужна сегодня,
Взорваны над пропастью мосты.

И тебе на торжище свободы
Грош цена с любовью наравне,
Где сошлись, как кровники, народы
В тайной скорби о былой стране.

– Вот перо и белый лист тетради,
Верю в эхо слова твоего.
– Уходи, я в круговой осаде,
Как Шамиль в ауле Ахульго.

– Не забудь, что вырваться сумел он,
Отшвырнув гремучее ядро.
Вдохновись лихим его делом...
Я открыл тетрадь и взял перо.

ПЕСНЯ ПРО СОКОЛА С БУБЕНЦАМИ

Было небо черно от лохматых овчин,
Всё клубились они в беспорядке.
И сидел вдалеке от родимых вершин
Красный сокол на белой перчатке.

Бубенцами его одарили ловцы
И кольцом с ободком золочёным.
Поднимал он крыла, и опять бубенцы
Заливались серебряным звоном

На перчатке сидел и не ведал забот,
И кормили его, как ручного.
Только снился ему в чёрных тучах полёт
И скала у потока речного.

Он домой полетел, бубенцами звеня,
Красный сокол, рождённый для схватки,
И товарищам крикнул:

– Простите меня,
Что сидел я на белой перчатке!

Отвечали они там, где катится гром
И клубятся туманы на склонах:
– Нет у нас бубенцов, что звенят серебром,
Нет колечек у нас золочёных.

Мы вольны, и у нас бубенцы не в чести,
И другие мы ценим повадки.
Ты не свой, ты чужой, ты обратно лети
И сиди там на белой перчатке.

Любил я женщин разного завета,
И не кори за это страсть мою.
Одна из жён была у Магомета
Еврейка, обрётённая в бою.

Уже Шамиль был венчан сединой,
Когда он, брачным не томясь заветом,
Армянку Анну объявил женой
И дал ей имя Шуайнат при этом.

И для любви от сотворенья света
Бог сделал женщин нации одной.
В том самолично в молодые лета
Не раз я убеждался под луной.

И, грешником прослывший неспроста,
Я женщин обнимал и в дни поста.

ГАДАЛКА

Девять камушков гадалка
Разложила предо мной.
Дом, дорога, перепалка,
Небо с бледною луной.
Бездна, венчанная тучей,
У горы во шрамах грудь.
Выпал жребий мне не лучший,
Но с дороги не свернуть.
Я пера коснулся рано,
И радела в облаках

Мне осилить зов шайтана
Мама с чётками в руках.
Но велик соблазн проклятый,
И казаться стало мне,
Что, земной любви глашатай,
Я летаю, как во сне.
Не рассказывай, гадалка,
Как я жил себе во зло,
Иль тебе меня не жалко?
Не изменишь, что прошло.
Пред тобой ясней июля
Тайна завтрашнего дня.
Радость, слезы или пуля –
Что, гадалка, ждёт меня?
Все приемлю я, что будет,
С Дагестаном в голове.
И меня пусть небо судит
По стихам, не по молве.

* * *

Что же, наконец, осталось?
Столько пало халифатов,
Столько сгнуло империй,
И династии сменялись,
И менялось всё стократ...
Что же, наконец, осталось,
Кроме как «люблю» и «верю»?
Что же, наконец, осталось –
Кроме Патимат?

Развалились государства,
Атлантида – под волнами,
Высыхают океаны
И – не повернуть назад.
Что же, наконец, осталось?
Только лишь вода да пламя...
Что же, наконец, осталось –
Кроме Патимат?

Чингисханы, Тамерланы,
Бонапарты все исчезли,
Как песком сыпучим, время
Всех засыпало подряд...
Что же, наконец, осталось,
Кроме нежности и песни?
Что же, наконец, осталось –
Кроме Патимат?

И великое пространство
Содрогнулось и распалось...
Только бы хватило силы,
Чтобы всё пошло на лад!..
Что же, наконец, осталось –
Колыбели и могилы?
Что же, наконец, осталось –
Кроме Патимат?

Над Землей, сто раз сожжённой –
Небо, рвущееся в клочья:
Столько боли, столько крови
Здесь текло века подряд...
Что же, наконец, осталось,
Кроме дня и кроме ночи?
Что же, наконец, осталось –
Кроме Патимат?

Обо мне не беспокойтесь,
Так уж повелось на свете,
Что прощанье неизбежно, –
Я уйду, но перед этим
Полный мне бокал налейте –
Выпью жизнь свою до капли...
И останется на свете
Только Патимат.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Какую песню спеть тебе, родная.
Спи, ночь в июле только шесть часов.
Тебя, когда ты дремлешь, засыпая,
Я словно колыбель качать готов,
Спи, ночь в июле только шесть часов.

Спокойной ночи говорю я снова
И верую, что не настанет дня,
Когда тебе два этих тихих слова
Промолвит кто-нибудь поздней меня,
Спи, ночь в июле только шесть часов.

Пусть, милая, тебе спокойно спится,
А я пока долину осмотрю.
Скажу, чтоб вовремя запели птицы,
Задую звезды и зажгу зарю,
Спи, ночь в июле только шесть часов.

Рассвет грядущий темень ночи смажет,
И мы восславим вновь начало дня.
Пусть «Утро доброе» тебе не скажет
Никто на свете ранее меня,
Спи, ночь в июле только шесть часов.

ГОЛОВА ХАДЖИ-МУРАТА

Отрубленную вижу голову
И боевые слышу гулы,
А кровь течёт по камню голому
Через немирные аулы.

И сабли, что о скалы точены,
Взлетают, видевшие виды.
И скачут вдоль крутой обочины
Кавказу верные мюриды.

Спросил я голову кровавую:
«Ты чья была, скажи на милость?
И как, увенчанная славою,
В чужих руках ты очутилась?»

И слышу вдруг: «Скрывать мне нечего,
Я голова Хаджи-Мурата,
И потому скатилась с плеч его,
Что заблудилась я когда-то.

Дорогу избрала не лучшую,
Виной всему мой нрав тщеславный...»
Смотрю на голову заблудшую,
Что в схватке срублена неравной.

Тропинками, сквозь даль простёртыми,
В горах рожденные мужчины,
Должны живыми или мертвыми
Мы возвращаться на вершины.

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда в предутреннюю рань
Наступит миг с землёй проститься,
Пускай ни в дерево, ни в лань
Душа моя не превратится:

В меня, живого, столько раз
Стрелок прицеливался меткий,
И знаю я, как в чёрный час
И рубят, и ломают ветки...

Когда в предвечной тишине
Глаза сомкну и вас покину,
Не оставляйте места мне
В печальном клине журавлином:

От Дагестана вдалеке
Путей проделал я так много,
Что в журавлином косяке
Я больше не пущусь в дорогу.

Не улечу от быстрых рек,
От света облаков узорных.
Хочу остаться здесь навек
У родников высокогорных.

И пусть огнём живым горят
Мои желанья ночью хмурой,
И жилы пусть мои звенят
Живыми струнами пандура.

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг из песен –
Он не высок тот камень на плато,
Но если горный край мой не исчезнет,
То не разрушит памятник никто.

Ни ветер, что в горах по-волчьи воет,
Ни дождь, ни снег, ни августовский зной.
При жизни горы были мне судьбою,
Когда умру, я стану их судьбой.

Поддерживать огонь мой не устанут
И в честь мою ещё немало лет
Младенцев нарекать горянки станут
В надежде, что появится поэт.

И моё имя, как речную гальку,
Не отшлифует времени поток.
И со стихов моих не снимут кальку,
Ведь тайна их останется меж строк.

Когда уйду от вас дорогой дальней
В тот край, откуда возвращенья нет,
То журавли, летящие печально,
Напоминать вам будут обо мне.

Я разным был, как время было разным –
Как угол, острым, гладким, как овал...
И всё же никогда холодный разум
Огня души моей не затмевал.

Однажды мной зажжённая лампада
Ещё согреет сердце не одно,
И только упрекать меня не надо
В том, что мне было свыше не дано.

Я в жизни не геройствовал лукаво,
Но с подлостью я честно воевал
И горской лирой мировую славу
Аулу неизвестному снискал.

Пусть гордый финн не вспомнит моё имя,
Не упомянет пусть меня калмык,
Но горцы будут с песнями моими
Веками жить, храня родной язык.

На карте, что поэзией зовётся,
Мой остров не исчезнет в грозной мгле.
И будут петь меня, пока поётся
Хоть одному аварцу на земле.

*(Переводы Е. Николаевской, М. Ахмедовой-Колюбякиной,
Н. Гребнева, Я. Козловского)*